

Прошедший год принёс читателям «Огней Кузбасса» немало примечательного как в стихотворном, так и прозаическом разделах. Обращаюсь к прозе, минуя, конечно, то, что написал сам.

Читатели, увлекшиеся романом Людмилы Чидилян «Лида в поисках любви», первая часть которого была опубликована в конце 2015 года, с нетерпением, наверное, ожидали появления второй части. Роман интересен сокровенной женской психологией и реальностью 1980-х годов, особенно в её кемеровской специфике.

Документальное повествование Николая Коняева «Полковник Романов» написано с чувством преклонения перед личностью царя Николая II. Это чтение, что называется, на любителя, в зависимости от социальных взглядов. Что касается содержательного наполнения, то знатоки революционной эпохи России вряд ли найдут в тексте что-либо новое – практически всё общеизвестно.

Повесть Юрия Тотыша «Светлая роса на чёрной броне» – о событиях Афганской войны (1979–1989). В ней вышедшие из военного пекла Он и Она соединяют свои судьбы. Красота созданной самой жизнью фабулы отлично схвачена автором и подчёркивается композиционно. Первая часть повествуется от имени героини (медсестры), вторая – от лица персонажа, ставшего Героем Советского Союза. Правда, от военной прозы ждешь глубокого драматизма, а события повести протекают в мемуарно-элегическом ключе. Женские впечатления иногда переходят в сокращённо-дневниковый тон, мужские же фронтовые будни и батальные сцены написаны как сглаженные воспоминания, приятным, красивым языком (в чём нельзя отказать Ю. Тотышу).

В повести Виктора Арнаутова «Приоткрылись родимые дали» пацаны играют в войну. Выстрел из винтовки сбивает шапку с головы Мишки Штырбу – вот до чего они доигрались. А стрелял один из троих братьев Кубецких. В дальнейшем драматизм нарастает. Мишка и его друзья остро враждуют с Кубецкими. Доходит до того, что Мишку, этого хорошего и честного парнишку, обвиняют в краже. И взрослые так его заторкали, что вынудили сознаться в том, чего он не совершал. В общем, это отличный сюжет, психологически выписанный, с выпуклыми характерами. К сожалению, впечатление от повести смазывается концовкой. Она сворачивает в сторону ненужного лиризма. В последней главе Михаил Штырбу уже солдат и служит на границе. В марте 1969 года, когда разыгрался советско-китайский пограничный конфликт на острове Даманском, он погибает. И довольно неубедительно В. Арнаутов пытается вложить в его последние переживания трепет воспоминаний о родных местах. Думаю, что в воле автора поправить главу.

Замысел повести «Вольтерьянец» Кирилла Леонидова оригинален. В московской школе появляется суперученик. Его идеи глобальны и в конечном счёте раскрываются как масонские. Благодаря вымышленному ученику мы видим мир сквозь призму современной школы с её нравами, лицами учителей и учеников. Финал оптимистичен,

но остаётся и зловещий осадок с одной стороны, супер-ученик побеждён в символической драке и полностью исчезает с горизонта, а с другой – один из школьников умирает при загадочных обстоятельствах. Любопытная повесть с философским уклоном.

Действие повести петербуржца Георгия Панкратова «Чувство рохли» происходит в течение буквально одного трудового дня молодых работяг-грузчиков в большом магазине (рохля – погрузочное устройство). Языковой строй повествования основан на молодёжном сленге. Сквозь восприятие читателя проходит сознание обыкновенных молодых людей. Мы видим островок современной жизни. Очень симпатичное произведение.

Буквально все рассказы, опубликованные в «Огнях Кузбасса» в 2016 году, по-своему хороши и ярки. Интерес к ним зависит от личных пристрастий читающей публики – выбирай на вкус. Отмечу появление в «Огнях Кузбасса» таких «высоких гостей», как Елена Тулушева и Роман Сенчин, пользующихся всероссийской известностью, хотя и нельзя сказать, чтобы их рассказы как-то бы выделялись из общего массива прозы журнала.

Особо я бы отметил «Токи высокой частоты» Виктора Королёва. Герой сталкивается с бывшим палачом, истреблявшим «врагов народа». Сила рассказа в переплетении линии «невесты» (девушки, предлагаемой в жены молодому гостю) и линии её отца, идеология которого обнажается до самой отвратительной сути.

Михаил Казанцев живёт на краю земли, а если точнее, то в деревне под Калтаном. Трудно сказать, что у него за душой есть ещё, кроме воспоминаний молодости, на которых основан рассказ «Ожидание неизвестности», но написан этот рассказ в лучших традициях лирической прозы. Описания лаконичны, каждая деталь благодаря подтексту даёт наслаждение. Настоящее переплетается с прошлым, явь – с глубинами сна. Молодой человек, призванный в армию, то едет в поезде, то наблюдает в ресторане поведение девушек, то видит себя на свадьбе друзей-студентов...

Изображение действительности через внутренний мир человека объединяет Михаила Казанцева с Татьяной Ильдимировой, хотя образные системы у них совершенно разные. Журнал опубликовал два её рассказа. Тот, который называется «Пиковая Дама», начинается с игры девочек. Они весело дурачатся, затем игра переходит в мистический страх, а заканчивается рассказ видениями загробного мира, которые сливаются с будничной реальностью.

Утончённо, с интригующей отстранённостью написано начало рассказа «Любимая». Лёгкими тенями обозначены героиня – «я» и «Саша» (муж?). Героиня-я случайно находит письма паренька, лежащего в больнице, к девушке Оле, тоже из больных. И в этих письмах из прошлого такая смесь курьёзного и трагического, такая наивность и чистота любви! Действительность, проступающая в них, контрастирует с дачной обстановкой, описанной в начале, что и создаёт очарование рассказа. Героиня-я пытается разгадать тайну автора писем – кто же он, этот Володя? Но загадка так и остаётся неразгаданной...

Понимая, что обрисовать всех авторов было бы чересчур длинно, упомяну всё же Вячеслава Рукосуева с его весело-ироническими историями и коснусь Александра Брюховецкого, представленного этакой эстетически грубоватой притчей под названием «Без лица».

Деревенский мужичок не нашёл в зеркале своего отражения. Образ фантастический. А мысль проста до примитива. Умерла жена («Бабу он похоронил с полгода назад»), безликая, как и все деревенские женщины. А тут ещё телеведущая Катя исчезла с экрана. «Тяжело пережить Притыкин отсутствие желанной телеведущей, шёлся мыслью, что Катя, возможно, пошла в отпуск, а может, и вовсе забросила телевидение. Ему показалось, что весь мир стал обезличенным без Кати, и эта страшная мысль заставила вновь лихорадочно ощупывать себя: все части были на месте, вот только когда он проходил мимо зеркала...» В общем, в конце рассказа «любовь» восторжествовала. Катя вышла из отпуска, с лицом Притыкина всё в порядке. Ну, каждому читателю своё...

Много удачных материалов вышло в 2016 году под документальными рубриками. Перечислю, на мой взгляд, наиболее содержательные: Лада Одинцова (о Василии Фёдорове), Виктор Чурилов (о Николае Рубцове), Юрий Дубатов (о Сергее Есенине), Валерий Новиков («Байки сибирского киношника»), Владимир Сухацкий («Великий угольный век»), Владимир Старых («На реке в Заполярье»), Вероника Шелленберг («Переворот»), Виктор Арнаутов (о писателе Геннадии Круглякове), Гарий Немченко («Горбатый мост»), Олег Яценко («Путь сельского хирурга»), Александр Ярощук («Куда исчезла мумия фараона Сехемхета?»).

Удивительно, что кемеровский инженер и писатель А. Ярощук, многие годы отдавший химическому производству, настолько приобщился к египтологии, что начал выдвигать смелые и вполне жизнеспособные гипотезы. В своих теоретических взглядах он опирается на исследования Андрея Склярова, автора многих книг по альтернативной истории, причём написанных с самой добросовестной аргументацией. Возможно, в недалёком уже времени идея А. Ярощука об использовании при строительстве пирамид грузоподъёмных механизмов получит статус официального открытия. В публикации же о фараоне Сехемхете высказывается предположение об испарении его мумии в результате физико-химических процессов.

Журнал радуется плюрализмом, открытостью дверей для многообразных взглядов, тематических направлений и жанров. Однако не все попадания стопроцентны. Например, доктор филологических наук Наталья Налегач выступила с литературно-критическим эссе «Поэтический мир Андрея Правды». Поэтический мир – важная категория, позволяющая сделать обобщения, отличить одного поэта от другого в громадном потоке современной поэзии.

Цитирую: «В стихах Андрея Правды отказ от жалоб и упрямое стремление сохранить в душе способность переживать радость бытия оказывается, по сути, тем заветом, который предстоит обрести и исполнить поэту...» Или ещё: «Упрямая воля к творчеству дала возможность высветить новые грани созданного поэтического космоса...» Закан-

чивается статья мажором: «Сохранившаяся в творческой душе человечность трогательным и чутким теплом наполняет душу читателя, входящего во всё ещё расширяющуюся поэтическую Вселенную Андрея Правды». А что, у других поэтов с расширением есть проблемы?

Если подытожить, то профессор преподносит нам целый ряд удивительных открытий. Оказывается, у Андрея Правды творческая душа. Оказывается, в его душе сохранилась человечность. Он отказался от жалоб, упрямо стремится пережить радость бытия и не менее упрямо проявляет волю к творчеству...

Евгений ЧИРИКОВ,
Кемерово